

УДК 294.118

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.142>

Категория полноты бытия в бенгальском вишнуизме

В. В. Останин*

*Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, Российская Федерация
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация*

М. А. Суботьялов

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск,
Российская Федерация
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новоси-
бирск, Российская Федерация*

Аннотация. Рассматривается категория полноты и целостности бытия, которая имеет чрезвычайно длинную и насыщенную философскую историю. Представлено философское толкование полноты и целостности (Аристотель, Иоанн Богослов). Подчеркивается, что особенность индийской, в частности вишнуистской, философии заключается в большом внимании к концепции полноты, хотя ей не уделено должного внимания исследователями по сравнению с понятием пустоты в буддизме. Обсуждается формирование представления о полноте различными последователями бенгальского вишнуизма (Баладева Видьябхушана, Кришнада Кавираджа, Рупа Госвами, Бхактиведанта). Разъясняются особенности употребления термина «полнота» (*пурната*) в различных средневековых текстах вишнуизма. Отмечается противопоставление категории «полнота» и понятия «пустота» (*шуньята*) в буддийской философии, при этом полнота как концепция имеет более раннее возникновение, исходя из хронологической датировки упоминания в «Брихад-араньяка-упанишаде» (VII–VI вв. до н. э.). Представлена близость вишнуистского учения о полной целостности и христианской концепции полноты бытия Бога. Выделены три типа полноты в вишнуистской концепции: полнота могущества (*айшварья-пурната*), полнота сладости (*мадхурья-пурната*), полнота милосердия (*карунья-пурната*). Отмечается, что Рупа Госвами развивает идею о полноте и предлагает дальнейшую ее типологизацию. В бенгальском вишнуизме выделяются степени полноты и ее проявления, а также два аспекта полноты: теологический и антропологический. Делается вывод о том, что в антропологическом плане категория полноты бытия представляет собой возможность уподобления человека Богу в трех аспектах: бытия (*сат*), познания (*чит*) и блаженства (*ананда*).

Ключевые слова: категория полноты, бенгальский вишнуизм, индуизм, санскрит, Упанишады, буддизм, Баладева Видьябхушана, Кришнада Кавираджа, Рупа Госвами, Бхактиведанта.

Для цитирования: Останин В. В., Суботьялов М. А. Категория полноты бытия в бенгальском вишнуизме // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 142–150. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.142>

The Category of Completeness of being in Bengali Vishnuism

V. V. Ostanin*

Altai State Agrarian University, Barnaul, Russian Federation

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

M. A. Subotyalov

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The category of “completeness” or “integrity” of being has an extremely long and rich philosophical history. The breadth of their use ranges from philosophical or religious texts to holistic psychology and classical literature. “Completeness” is a significant problem in many philosophical systems. This article presents a philosophical interpretation of “completeness” or “integrity” (Aristotle, John the Theologian). The peculiarity of Indian and, in particular, Vishnu philosophy lies in the great attention to the concept of “completeness”, although it is not given due attention by researchers in comparison with the concept of “emptiness” in Buddhism. The article discusses the formation of the idea of “completeness” by various representatives of Bengali Vishnuism (Baladeva Vidyabhushana, Krishnadas Kaviraja, Rupa Goswami, Bhaktivedanta). The peculiarities of the use of the term “completeness” or “purnata” in various medieval texts of Vishnuism are explained. The contrast between the category of “completeness” and the concept of “emptiness” (shunyata) in Buddhist philosophy is noted. At the same time, “completeness” as a concept has an earlier origin based on the chronological dating of the Upanishad in the Brihad-Aranyaka Upanishad (VII-VI centuries BC). The proximity of the Bengali Vishnuism doctrine of “complete integrity” and the Christian concept of the fullness of God’s being is presented, but without reducing one to the other. There are three types of completeness in the Bengali Vishnuism concept: the fullness of power (aishwarya-purnata), the fullness of sweetness (madhurya-purnata), the fullness of mercy (karunya-purnata). Rupa Goswami develops the idea of completeness and suggests its further classification. Based on this, there are three degrees of completeness in Bengali Vishnuism: excellent, medium and standard. In conclusion, the conclusion is given about two aspects of “completeness”: theological and anthropological. In theoretical terms, the category of completeness is represented by three additional characteristics: power (aishwarya), sweetness (madhurya) and compassion (karunya). Each of these three aspects has three degrees of manifestation. In anthropological terms, the category of completeness of being represents the possibility of likening a person to God also in three aspects: being (sat), cognition (chit) and bliss (ananda).

Keywords: Completeness, Bengali Vishnuism, Hinduism, Sanskrit, Upanishads, Buddhism, Baladeva Vidyabhushana, Krishnadas Kaviraja, Rupa Goswami, Bhaktivedanta.

For citation: Ostanin V.V., Subotyalov M.A. The Category of Completeness of being in Bengali Vishnuism. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 50, pp. 142-150. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.142> (in Russian)

Категории полноты и целостности бытия имеют чрезвычайно длинную и насыщенную философскую историю. Широта охвата их использования также потрясает – от чисто философских или религиозных текстов до так называемой холистической (греч. *olos* – «целый, весь») психологии и классической литературы. Приведем лишь несколько примеров.

Аристотель философски определял *целое* следующим образом: «*Целым (olon)* называется [2] то, у чего не отсутствует ни одна из частей, состоя из которых оно именуется *целым (olon)* от природы, а также [3] то, что так объемлет объемлемые им вещи, что последние образуют нечто одно... Далее, [8]

из относящегося к количеству, имеющего начало, середину и конец, целокупностью (*to pan*) называется то, положение частей чего не создает для него различия, а *целым* (*olon*) – то, у чего оно создает различие» [2, с. 174–175].

Таким образом, Аристотель подчеркивает следующие сущностные метафизические характеристики *целого*:

1. Целое есть от природы сумма частей.
2. Целое есть нечто одно, единое.
3. Целое не предполагает перестановку составляющих его частей.

Евангелист и апостол Иоанн Богослов использовал категорию полноты (греч. *pleroma* – «наполнение, полнота») уже в религиозном смысле в самом начале Евангелия от Иоанна (1:16): «И от *полноты* (*pleromatos*) Его все мы приняли и благодатью на благодать» [3, с. 84]. Иоанн Златоуст в толковании на это место Нового Завета пишет: «Он есть самый источник, самый корень всех благ, – самосушая жизнь, самобытный свет, самосовершенная истина. Он не удерживает обилия благ в Себе Самом, но изливает его на всех других и, изливая, с лихвой Сам пребывает всегда *полным*; ущедряя других, Сам ни в чем не умаляется; всегда источая и всем сообщая эти блага, остается в том же совершенстве» [8, с. 179–180]. Кирилл Александрийский и Феофилакт Болгарский в своих толкованиях вторят евангелисту, отличаясь от него лишь в нюансах. «Должно опять заметить, что, называя Сына *полным*, т. е. совершенным во всем, и столь далеким от какой-либо нужды, что всем может подавать, не испытывая уменьшения и всегда сохраняя в неизменности величие своего преимущества» [9, с. 154]. «Будучи источником всякого добра, всякой мудрости и пророчества, обильно изливает ее на всех достойных и при таком излиянии остается *полон* и никогда не истощается» [4, с. 23].

Аспекты блага (Иоанн Златоуст), нужды (Кирилл Александрийский) и добра (Феофилакт Болгарский) указывают на то, что христианских экзегетов, прежде всего, интересовала этическая сторона интерпретации понятия полноты бытия.

Возможно, один из лучших литературных примеров, являющих интерпретацию понятия полноты, представляет собой сентенция из знаменитой трилогии «Властелин колец» великого английского писателя XX в. Дж. Р. Р. Толкина: «Тот, кто начинает расчленять *целое* (*thing*) на части, пытаясь понять природу *целого*, уже не будет мудрым» [11, с. 280]. Очевидно, что данное высказывание роднит творчество Толкина с метафизическими выводами Аристотеля, особенно со вторым из них.

Однако категории полноты и целостности бытия были проявлены и на Востоке. Возможно, впервые в истории человечества категория полноты (санскр. *purnata* – «полнота, наполнение, целостность») появляется уже в Упанишадах, а затем находит свое продолжение в различных школах индийской философской мысли. Цель предпринимаемого исследования заключается в попытке экспликации содержания понятия *пурнаты* как в индийской традиции в целом, так и конкретно в одном из ее направлений – бенгальском вишнуизме, в рамках которого была предложена внятная, но до сих пор не до конца изученная концепция полноты бытия.

Категория полноты впервые появляется в одной из классических Упанишад, а именно в «Брихад-араньяка-упанишаде» (5.1.1): «То – полное (*пурнам*), это – полное (*пурнам*). Из полного (*пурнам*) возникает полное (*пурнам*). [Когда] от полного (*пурнам*) берется полное (*пурнам*), то все же остается полное (*пурнам*)» [5, с. 137].

Конечно, необходимо подчеркнуть, что категория полноты (*пурната*) осознается в индуизме в напряженной полемике с буддизмом, бравшим, в отличие от индуизма, за основу объяснения сущего категорию пустоты (*шуньята*) бытия. Так, в знаменитой буддийской махаянской «Сутре сердца» («Праджня-парамита-хридая-сутра») провозглашается: «Цвет и форма (*рупа*) суть пустота (*шуньята*), и опять-таки пустота есть цвет и форма. Цвет и форма не отличимы от пустоты, а пустота не отличима от цвета и формы. Что [обладает] цветом и формой – то есть пустота, что есть пустота – то есть цвет и форма. То же самое справедливо в отношении ощущений (*ведана*), представлений (*санджня*), сил и влияний прежних деяний (*санскара*) и собственно сознания (*виджняна*)» [1, с. 518].

Несомненно, что понятие пустоты подверглось в буддизме гораздо более тщательной философской обработке, нежели понятие полноты в индуизме. Нам представляется очевидным, что первым в истории древнеиндийской мысли все же возникла философская интуиция полноты бытия, датировка «Брихад-араньяка-упанишады» (VII–VI вв. до н. э.) вполне позволяет заключить это. Кажется, достаточно логично предположить, что буддийская категория пустоты бытия оформилась уже как философская рефлексия, реакция на заявленную интуицию полноты сущего. Однако в дальнейшем тема полноты бытия не была живо подхвачена большинством школ индуизма, исключение здесь представляют лишь некоторые тантрийские учения и бенгальский вишнуизм, являющийся предметом настоящего исследования. Более того, даже в бенгальском вишнуизме анализ категории *пурнаты* дан как бы пунктирно, он буквально разбросан по различным текстам традиции, а потому в задачу исследователя входит реконструировать системное представление о полноте бытия в рамках указанного религиозно-философского направления.

Школа бенгальского вишнуизма, или гаудия-вишнуизма (бенг. *гауда* – «Бенгалия»), берет свое начало от фигуры Чайтаньи Махапрабху (1486–1534), незаурядного философа и успешного религиозного проповедника. Его главными последователями стали такие мыслители, как Рупа Госвами (XV–XVI вв.), Джива Госвами (XVI в.), Кришнадаса Кавираджа (XVI в.), Баладева Видьябхушана (XVII–XVIII вв.), Бхактиведанта (XIX–XX вв.) и др.

Для гаудия-вишнуизма (в отличие от многих школ индийского монизма) свойственно очень четкое понимание Абсолюта как Верховной Божественной Личности. В этом смысле весьма показательно, как выглядит сделанный Бхактиведантой (см. выше) в XX в. перевод уже известного нам отрывка из «Брихад-араньяка-упанишады» (стоит отметить, что у Бхактиведанты он предваряет его перевод и комментирование другого древнего классического текста, а именно «Иша-упанишады»): «Верховный Господь, Лич-

ность Бога, всесовершенен (*пурнам*), и, так как Он абсолютен и совершенен (*пурнам*), все, что исходит из Него, в частности этот проявленный мир, наделено всем необходимым, поскольку само является полным целым (*пурнам*). Все, что исходит из Полного Целого, также обладает полнотой (*пурнам*). И, как Полное Целое (*пурнам*), Он пребывает в совершенном равновесии (*пурнам*), несмотря на то что из Него исходит такое множество законченных (*пурнам*) частей» [6, с. 17, 18].

Теистические мотивы совершенно очевидны, что, кстати, сближает гаудия-вишнуистское учение о полной целостности и христианскую концепцию полноты бытия Бога, но, конечно, не сводит одно к другому.

Трактовка одного из предшественников Бхактведанты – Баладевы Видьябхушаны – демонстрирует несколько иные нюансы Божественной полноты, ибо она посвящена теме Боговоплощения (учение об *аватарах*), но теистическая основа интерпретации текста пребывает в ней столь же неизменной:

«Непроявленный *Брахман* полон. Проявленный *Брахман* полон. Из непроявленного *Брахмана* является в виде множества различных *аватар* проявленный *Брахман*. Когда проявленные формы исходят из непроявленного *Брахмана*, непроявленный *Брахман* остается полным» [12, р. 28].

Знаменитый мыслитель и апологет школы Кришнадаса Кавираджа (XVI в.), живописуя биографию Чайтаньи («Чайтанья-чаритамрита»), вкладывает в его уста следующую классификацию полноты бытия Кришны: «Кришне присущи во всей полноте (*пурната*) и совершенстве такие духовные качества, как могущество (*айшварья*), сладость (*мадхурья*) и милосердие (*карунья*). Кришна так любит Своих преданных, что из великодушия может отдать им Самого Себя» [7, с. 327].

Итак, первая из классификаций *пурнаты* в гаудия-вишнуизме напрямую касается полноты Божественного бытия. Богу извечно присущи три типа полноты:

- 1) полнота могущества (*айшварья-пурната*);
- 2) полнота сладости (*мадхурья-пурната*);
- 3) полнота милосердия (*карунья-пурната*).

Бог как Творец и управитель всего сущего по определению должен быть исполнен могущества (*айшварья*), иначе Он попросту не может быть Богом. Но могущество Бога создает непреодолимую метафизическую дистанцию между Ним и человеком, живым существом, тварью. А потому Бог должен являться исполненным сладости (*мадхурья*), т. е. быть близким, заботящимся о человеке и доступным ему. Похожую концепцию божественного (нуминозного) предложил в своем труде «Священное» известный теолог и индолог Рудольф Отто. Его формула нуминозного звучит как *mysterium tremendum et fascinans* (лат.) – «тайна, одновременно повергающая в трепет и неотвратимо влекущая к себе», где «повергание в трепет» (*тремendum*) примерно соответствует аспекту полноты могущества (*айшварья-пурната*), а «неотвратимое влечение» (*фасцинанс*) – аспекту полноты сладости (*мадхурья-пурната*). С другой стороны, метафизический код бытия, предложенный Чайтаньей и его последователями, – *ачинтья-бхеда-абхеда* (санскр. «непостижимое различие

и тождество природы Бога») – одновременно указывает на «таинственную непознаваемость» (*ачинтья, мистериум*), а также теснейшую взаимосвязь аспектов могущества (*тремendum*) и сладости (*фасцинанс*) Бога.

Правда, о вкушении сладости (*мадхурья*) или доступности Бога можно говорить только в отношении личностей, достигших высочайших ступеней святости. Значит ли это, что до тех пор Бог сохраняет практически непреодолимую дистанцию между Собой и человеком? Нет, ведь, согласно Чайтанье, Бог исполнен сострадания (*карунья*) даже к самым падшим и последним грешникам, именно поэтому Он из раза в раз нисходит (воплощается – становится *аватарой*) в материальный мир и демонстрирует Свою любовь, заботу и привлекательность, тем самым вдохновляя грешников на раскаяние и изменение себя.

Рупа Госвами в своем главном трактате «Бхакти-расамрита-синдху» («Океан нектара служения Богу») продолжает развивать идеи Чайтаньи о полноте Божественной сущности и предлагает дальнейшую ее классификацию. Чтобы понять ее, необходимо знать, что, согласно эпосу, Кришна во время Своего пребывания на Земле последовательно находился в трех обителях: Гокула (пастушеская деревня на севере центральной Индии), Матхура (столица, находящаяся близ Гокулы) и Дварака (столица, располагающаяся уже на западе Индии, на побережье океана). По мере перемещения Кришны из одной обители в другую он начинает внешне проявлять все большее могущество (*айшварья*), однако вместе с тем умалает свою сладость (*мадхурья*).

«В Гокуле Кришна является как наиболее полный (*пурна-тама*). В Двараке, Матхуре и других местах Он представлен как полный (*пурна*) и более полный (*пурна-тара*)» [13, р. 561]. Соответственно, мы имеем три степени проявления полноты Бога. Превосходная степень (*пурна-тама*) проявлена в Гокуле, где доминирует сладость (*мадхурья*), близость к Богу. В Гокуле никто еще не знает, что Кришна – Бог, для ее жителей он просто сын пастуха. В Матхуре осуществлена средняя степень полноты (*пурна-тара*), так как, несмотря на то что Кришна демонстрирует там оба аспекта полноты – сладость (*мадхурья*) и могущество (*айшварья*), они в Матхуре усреднены, уравновешивают друг друга, а потому не находят своего апогея. В Матхуре Кришна известен уже как воплощение Всевышнего (Вишну), но не в качестве изначального Бога. Наконец, в Двараке мы находим стандартную степень полноты Божественности (*пурна*), ибо, с одной стороны, многие начинают в ней исповедовать Кришну Верховным Богом, однако, с другой стороны, аспект сладости (*мадхурья*) существенно сужается, покрытый доминантой божественного могущества (*айшварья*).

В комментарии к данному месту Джива Госвами уверяет нас в том, что в действительности ипостась Кришны в Гокуле превосходит ипостаси из Матхуры и Двараки во всех трех аспектах (могущество, сладость и даже милосердие). Он объясняет, что в Гокуле под влиянием доминирования сладости (*мадхурья*) аспекты могущества (*айшварья*) и милосердия (*карунья*) проявляются лишь от случая к случаю, но неизменно в превосходной степени [13, р. 561–563].

Таким образом, характеристика полноты Божества в гаудия-вишнуизме имеет тройственную природу. Бог полон могущества как Творец в метафизическом смысле, что вызывает к жизни параллели в учениях Чайтаньи и Аристотеля. Бог исполнен милосердия, сверхэтичен, о чем также говорили христианские экзегеты, такие как Златоуст, Кирилл Александрийский, Феофилакт и др. К тому же Бог настолько исполнен неповторимой сладости, близости, что находящиеся рядом с Ним не распознают в Нем Бога, аналогов чему в истории религиозно-философской мысли мы фактически не замечаем. В качестве исключения можно привести лишь богословскую интенцию православного подвижника XX в. Порфирия Кавсокаливита: «Христос – наш друг, Он – наш брат, и Он говорит: Вы – мои друзья. Я не желаю, чтобы вы смотрели на Меня так: что Я – Бог, что Я Бог-Слово, что Я – ипостась Святой Троицы. Я хочу, чтобы вы смотрели на Меня, как на своего, как на вашего друга, заключили Меня в свои объятия, ощутили Меня в своей душе – вашего Друга» [10, с. 25].

Рупа Госвами в «Бхакти-расамрита-синдху» затрагивает еще один аспект учения о полноте сущего. Подобно П. А. Флоренскому, который в своем богословском творчестве начинает с теодицеи и постепенно приходит к антроподицее, Рупа Госвами (а вслед за ним и его комментатор Джива Госвами), разобрав тему полноты Божества, через некоторое время исследует проблему полноты твари, в частности полноты человеческого сердца.

«Совершенная непоколебимость сердца есть полнота (*пурната*) непосредственного познания Бога (*гьяна*), полнота (*пурната*) отсутствия всякого страдания (*духкха-абхава*) и полнота (*пурната*) достижения любви к Господу (*уттама-анги*). В таком состоянии нет переживаний по поводу не обретения или потери чего-либо» [13, р. 801–803].

Как подчеркивает Рупа Госвами, подобная абсолютная непоколебимость сердца (*дхрити*) обретается лишь святыми личностями, уже стяжавшими, как представляется, некоторую степень Богоподобия. Дело заключается в том, что аспекты бытия вне любых страданий (санскр. *духкха-абхава* – букв. «небытие страданий»), в совершенном знании и блаженной любви очень сильно напоминают знаменитую тройственную формулу божественности в индуизме: *сам* (вечное бытие, или *бхава* – антипод *абхавы*, санскр.), *чит* (абсолютное знание), *ананда* (совершенная радость). Согласно Рупе Госвами, такими предикатами обладает лишь Господь [13, р. 442, 443], но, исходя из вышеприведенной характеристики полноты сердца святой личности, человек также до определенной степени может приблизиться к стяжанию (ср. греч. *teosis* – христианское обожение) указанных трех качеств.

Итак, подводя итог исследованию, еще раз подчеркнем наличие пусть пунктирно выраженной, но ясной концепции полноты (*пурната*) бытия в гаудия-вишнуизме. Она имеет два аспекта: теологический и антропологический. В теологическом плане категория полноты представлена тремя дополнительными характеристиками Божественного совершенства: полнота могущества (*айшварья*), полнота сладости (*мадхурья*) и полнота сострадания (*карунья*). Более того, каждый из данных трех аспектов обладает тремя сте-

пенями проявления: превосходной (*пурна-тама*), превосходящей (*пурна-тара*) и стандартной (*пурна*). В антропологическом плане категория полноты бытия также сохраняет свою актуальность, представляя собой возможность уподобления человека Богу также в трех аспектах: бытия (*сам*), познания (*чит*, *бхава*) и блаженства (*ананда*).

Список литературы

1. Андросов В. П. Сутра Сердца. Учение Нагарджуны о Срединности. М. : Ин-т востоковедения РАН : Вост. лит., 2006. 846 с.
2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М. : Мысль, 1976. 550 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (канонические в русском переводе с параллельными местами). М. : SGA, 1996. 1217 с.
4. Благовестник, или Толкование блаженного Феофилакта, Архиепископа Болгарского. Т. 2. Киев : Тип. Киево-Печерской Лавры, 2006. 632 с.
5. Брихадараньяка упанишада. Упанишады / пер. с санскрита, исслед., коммент. и прил. А. Я. Сыркина. 3-е изд., испр., М. : Вост. лит., 2003. 782 с.
6. Бхактиведанта Свами Прабхупада А. Ч. Шри Ишопанишад. М. : The Bhaktivedanta Book Trust, 2016. 172 с.
7. Кришнадад Кавираджа Госвами. Шри Чайтанья-чаритамрита: Мадхья-лила. Т. 5. М. : The Bhaktivedanta Book Trust, 2010. 768 с.
8. Святитель Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Иоанна. Беседы 1–46. М. : Правило веры, 2008. 672 с.
9. Святитель Кирилл Александрийский. Толкование на Евангелие от Иоанна. В 2 т. Т. 1 / пер. М. Муретова М. : Сиб. Благовонница, 2011. 736 с.
10. Старец Порфирий Кавсокаливит. Цветослов советов. Святая гора Афон: Пустынь Новая Фиваида Афонского Русского Пантелеймонова монастыря, 2008. 527 с.
11. Толкин Дж. Р. Р. Властелин колец [трилогия] / пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. М. : Изд-во АСТ, 2017. 1184 с.
12. Brahma Sutras with commentary of Sri Baladeva Vidyabhusana / translated from Sanskrit by His Holiness Bhanu Swami. Chennai, Sri Vaikunta Enterprises, 2013. 594 p.
13. Srila Rupa Goswami. Bhakti Rasamrta Sindhu with commentary of Srila Liva Goswami and Srila Visvanatha Cakravarti Thakura. Vol. 1 / transl. from Sanskrit by His Holiness Bhanu Swami. Chennai, Sri Vaikunta Enterprises, 2016. 960 p.

References

1. Androsov V.P. *Sutra Serdtsa. Uchenie Nagardzhuny o Sredinnosti* [Heart Sutra. Nagarjuna's Teaching of the Middle Way]. Moscow, Inst. vostokovedeniia RAS Publ., Vostochnaya literatura Publ., 2006, 846 p. (in Russian)
2. Aristotle. *Sochineniya v chetyrekh tomakh. T. 1* [Works in four volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1976, 550 p. (in Russian)
3. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta (kanonicheskie v russkom perevode s parallelnymi mestami)* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments (canonical in Russian translation with parallel passages)]. Moscow, SGA Publ., 1996, 1217 p. (in Russian)
4. *Blagovestnik, ili Tolkovanie blazhennogo Feofilakta, Arkhiepiskopa Bolgarskogo. T. 2* [Evangelist, or Interpretation of Blessed Theophylact, Archbishop of Bulgaria, in Russian. Vol. 2]. Kiev, Tipografiya Kievo-Pecherskoy Lavry Publ., 2006, 632 p. (in Russian)
5. *Brihadaran'yaka upanishada. Upanishady* [Brihadaran'yaka Upanishad. Upanishads]. Trans. from Sanskrit, research, note and appl. by Syrkin A.Ya., 3d ed. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, 782 p. (in Russian)
6. Bhaktivedanta Swami Prabhupada A.C. *Shri Ishopanishad* [Sri Isopanisad]. Moscow, The Bhaktivedanta Book Trust Publ., 2016. 172 p. (in Russian)

7. Krishnadas Kaviraja Goswami. *Shri Chaytan'ya-charitamrita: Madkh'ya-lila, T. 5* [Sri Chaitanya Charitamrita: Madhya-lila, Vol. 5]. Moscow, The Bhaktivedanta Book Trust Publ., 2010, 768 p. (in Russian)

8. St. John Chrysostom. *Tolkovanie na Evangelie ot Ioanna. Besedy 1–46* [Interpretation on the Gospel of John. Conversations 1–46]. Moscow, Pravilo very Publ., 2008, 672 p. (in Russian)

9. St. Cyril of Alexandria. *Tolkovanie na Evangelie ot Ioanna* [Interpretation on the Gospel of John]. In 2 v. Vol. 1. Trans. by Muretov M. Moscow, Sibirskaya Blagozvonnitsa Publ., 2011, 736 p. (in Russian)

10. Elder Porphyry Kavsokalivit. *Tsvetoslov sovetov* [Color Book of Advice]. Holy Mount Athos: Desert New Thebais of the Athos Russian Panteleimon Monastery Publ., 2008, 527 p. (in Russian)

11. Tolkien J.R.R. *Vlastelin kolets [trilogiya]* [The Lord of the Rings: [trilogy]. Trans. from by Grigor'eva N., Grushetskii V. Moscow, AST Publ., 2017, 1184 p. (in Russian)

12. Brahma Sutras with commentary of Sri Baladeva Vidyabhusana / translated from Sanskrit by His Holiness Bhanu Swami. Chennai, Sri Vaikunta Enterprises, 2013, 594 p.

13. *Srila Rupa Goswami*. Bhakti Rasamrta Sindhu with commentary of Srila Liva Goswami and Srila Visvanatha Cakravarti Thakura. Vol. 1. Transl. from sanskrit by His Holiness Bhanu Swami. Chennai, Sri Vaikunta Enterprises, 2016, 960 p.

Сведения об авторах

Останин Вадим Владимирович

кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии
Алтайский государственный аграрный
университет
Российская Федерация, 656049, г. Барнаул,
просп. Красноармейский, 98
доцент, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-
конфессиональных отношений
Алтайский государственный университет
Российская Федерация, 656049, г. Барнаул,
просп. Ленина, 61
e-mail: vadim_bh@mail.ru
ORCID 0000-0002-8126-1151

Суботялов Михаил Альбертович

доктор медицинских наук, профессор,
кафедра анатомии, физиологии и
безопасности жизнедеятельности
Новосибирский государственный
педагогический университет
Российская Федерация, 630126,
г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28
доцент, кафедра фундаментальной
медицины
Новосибирский национальный
исследовательский государственный
университет
Российская Федерация, 630090,
г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
e-mail: subotyalov@yandex.ru
ORCID 0000-0001-8633-1254

Information about the authors

Ostaniin Vadim Vladimirovich

Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, Philosophy Department
Altai State Agrarian University
98, Krasnoarmeysky ave., Barnaul, 656049,
Russian Federation
Associate Professor, Department of Regional
Studies of Russia, National and State-
Confessional Relations
Altai State University
61, Lenin ave., Barnaul, 656049,
Russian Federation
e-mail: vadim_bh@mail.ru
ORCID 0000-0002-8126-1151

Subotyalov Mikhail Al'bertovich

Doctor of Science (Medicine), Professor,
Department of Anatomy, Physiology and Life
Safety
Novosibirsk State Pedagogical University
28, Vilyuyskaya st., Novosibirsk, 630126,
Russian Federation
Associate Professor, Fundamental Medicine
Department
Novosibirsk State University
1, Pirogova st., Novosibirsk, 630090,
Russian Federation
e-mail: subotyalov@yandex.ru
ORCID 0000-0001-8633-1254

Статья поступила в редакцию **24.07.2024**; одобрена после рецензирования **12.08.2024**; принята к публикации **26.11.2024**
The article was submitted **July, 24, 2024**; approved after reviewing **August, 12, 2024**; accepted for publication **November, 26, 2024**